laincourt partait de Paris le 11 au soir. Arrivé à Strasbourg il rassemble deux détachements de troupes, leur fait passer le Rhin et se dirige sur Ettenheim et Offenbourg et enlève dans la nuit du 13 au 14 mars monseigneur le duc d'Enghien, qui depuis plusieurs années résidait dans le premier des deux endroits, et plusieurs personnes émigrées qui habitaient Offenbourg. Le 15 mars l'électeur en avant été instruit par le rapport d'un de ses officiers, a fait demander à m. Massias ce que signifiait le passage des troupes françaises, et celui-ci pour réponse remet à m. d'Edelsheim une lettre de m. de Tallevrand à ce ministre électoral en date du 10 mars qui, appuyée sur un rapport du grand-juge du 7, dans lequel il est dit qu'il existe à Offenbourg un comité chargé de répandre en France des libelles incendiaires et les mandements des évêques rebelles, exige que l'électeur fasse éloigner de ses états tous les émigrés en général et arrêter un nommé Mucay, désigné comme agent principal de ce comité. Enfin vendredi, à 3 heures du matin, m. d'Edelsheim reçoit une lettre de m. Massias, chargé d'affaires de France, qui lui adresse m. de Bergheim, capitaine de carabiniers (le même qui a accompagné le général Collaincourt à St. Pétersbourg), chargé de lui remettre une lettre de m. de Talleyrand. Cette lettre, datée du 11 mars, est motivée par de nouvelles découvertes faites par le gouvernement français relativement à la conspira-

ромъ. Прибывши въ Страсбургъ, онъ собираетъ два военныхъ отряда, переводить ихъ черезъ Рейнъ, направляется въ Эттенгеймъ и Оффенбургъ и, ночью съ 13 на 14 марта, схватываетъ герцога Ангьенскаго, много лётъ проживавшаго въ первомъ изъ двухъ мъстъ, а также много выходцевъ, обитавшихъ въ Оффенбургъ. 15-го марта курфюрстъ, увъдомленный донесеніемъ одного изъ своихъ офицеровъ, спросилъ г. Масьяса, что значитъ переходъ французскихъ войскъ. Тотъ, вмѣсто отвѣта, вручилъ г. Эдельсгейму письмо г. Талейрана этому министру курфюрста отъ 10-го марта: опираясь на донесеніе великаго судьи отъ 7-го, указывающее на существование въ Оффенбургъ комитета для распространенія во Франціи возмутительныхъ памфлетовъ и пастырскихъ посланій мятежныхъ епископовъ, Талейранъ требуетъ, чтобы курфюрстъ удалилъ изъ своихъ владеній всёхъ вообще выходцевъ и арестоваль некоего Мюкэ, какъ главнаго дельца въ этомъ комитете. Наконецъ, въ пятницу, въ 3 часа утра, г. Эдельсгеймъ получаетъ письмо отъ французскаго повъреннаго въ дълахъ, г. Масьяса, который посылаетъ ему г. Берггейма, капитана карабинеровъ (того самого, который сопровождаль генерала Коленкура въ Петербургъ) съ письмомъ къ нему г. Талейрана. Это письмо, помѣченное 11-мъ марта, оправдывалось новыми открытіями, сделанными французскимъ правительствомъ по поводу заговора. Въ немъ были такія выраженія: "Первый консуль узналь

tion, et contient cette phrase: "Le premier consul a appris également que le duc d'Enghien et le général Dumourier étaient à Ettenheim. et comme il est impossible qu'ils s'y trouvent sans la permission de S. A. E., le premier consul n'a pu voir sans la plus profonde douleur qu'un prince, auquel il s'était plu à faire ressentir les effets les plus spéciaux de l'amitié de la France, ait pu donner refuge à ses plus cruels ennemis et les ait laissés tramer paisiblement des conspirations aussi inouies". — Le premier consul a donc cru devoir ordonner que deux petits détachement de troupes passent le Rhin pour arrêter le prince, le général Dumourier et plusieurs autres émigrés qui se trouvent à Ettenheim et Offenbourg. Le rapport concernant le séjour du général était entièrement faux, et c'est par erreur de nom qu'on l'y supposait. — M. de Collaincourt, chargé de l'exécution de toute cette commission, ramena à Strasbourg tous ses prisonniers et envoya à Paris. d'après l'ordre qu'il en avait reçu, le duc d'Enghien accompagné d'un colonel de gendarmerie. — Pendant le voyage le prince a été très calme; arrivé à Bondi il a remarqué que sa voiture quittait la route de Paris et a dit: "cela me donne la chair de poule". Mais il s'est bientôt remis et en apercevant le Donjon de Vincennes il a dit: "Mon grand aïeul y a été prisonnier. Eh bien! j'y serai probablement également détenu". On l'a fait monter dans l'appartement du commandant qui ne savait

также, что герцогъ Ангьенскій и генералъ Дюмурье были въ Эттенгеймъ; а такъ-какъ невозможно, чтобы они находились тамъ безъ позволенія его курфюршескаго высочества, то первый консуль быль глубоко огорчень, видя, что принцъ, которому онъ благоволилъ оказать самые редкіе знаки французской дружбы, решился дать убежище самымъ жестокимъ его врагамъ и дозволилъ имъ спокойно устраивать столь неслыханные заговоры".-Итакъ, первый консуль считаль долгомъ приказать, чтобы два маленькихъ отряда войскъ перешли Рейнъ и арестовали принца, генерала Дюмурье и многихъ другихъ выходцевъ, находящихся въ Эттенгеймъ и Оффенбургъ. Донесеніе о мъстопребываніи генерала было совствить ложно: туть вышла ошибка въ имени. - Г. Коленкуръ, которому было поручено все это дёло, привелъ въ Страсбургъ всёхъ своихъ плънниковъ и, по полученному приказу, отправилъ въ Парижъ герцога Ангьенскаго, въ сопровождении жандармскаго полковника. — Въ дорогъ принцъ быль очень спокоенъ. Прибывши въ Бонди, онъ замътилъ, что его карета повернула съ парижской дороги, и сказалъ: "у меня дрожь пробъгаетъ по кожъ". Но онъ вскоръ оправился и сказалъ, завидъвъ венсенскую башню: "Тамъ сидълъ мой великій предокъ. Ну, пожалуй, и я посижу тамъ". Его повели наверхъ, въ помъщение коменданта, который не зналъ, кто его плънникъ. Последній предложиль ему пообедать, и принцъ, у котораго не было

point quel était son prisonnier. Il lui a offert à dîner, et le prince. n'avant presque rien pris depuis Strasbourg, a mangé avec la plus. grande tranquillité. Bientôt il a été appelé à la commission militaire et a assisté au simulaire de jugement rapporté dans le "Moniteur". Il a de nouveau été ramené dans l'appartement du commandant et voyant que deux heures s'écoulaient sans qu'on vînt le chercher, il en prit bonne augure et a dit, que, sachant combien les commissions militaires étaient expéditives, il croyait être absous; mais un colonel de gendarmerie vint lui dire qu'il était condamné et qu'il allait entendre sa sentence. Cette nouvelle parut augmenter son courage. Il protesta encore de son innocence et demanda un confesseur. Cette demande, qui n'avait été ni présumée, ni prévue, embarrassa beaucoup les juges. Ils finirent par le refuser, et le prince répondit avec un courage qui excita l'admiration de toute l'assemblée, qu'il recommandait son âme à Dieu et qu'il était prêt à marcher. On le conduisit à quelques pas du château. Un peloton de chasseurs y était prêt pour le fusiller. Il refusa un mouchoir qu'on lui offrit pour lui bander les yeux, et s'adressant aux soldats leur dit: "Braves soldats français que j'ai toujours aimés, j'ai combattu avec honneur et je sais mourir de même; au moins ne me manquez pas". Une balle l'atteignit en ce moment au coeur, une autre au front, et il tomba sans vie. - S'il est constaté par les dates

почти ни росинки во рту съ самаго Страсбурга, повлъ съ величайшимъ спокойствіемъ. Вскор'в его позвали въ военную комисію, и онъ присутствоваль при подобіи суда, описанномъ въ "Монитёръ". Его опять отвели въ помъщеніе коменданта. Видя, что прошло два часа, а его не звали, онъ счель это хорошимъ предзнаменованіемъ и сказаль, что, зная быстроту военныхъ комисій, считаетъ себя оправданнымъ. Но пришель жандармскій полковникъ и сказалъ ему, что онъ осужденъ и сейчасъ услышитъ свой приговоръ. При этомъ извъстіи его мужество какъ-будто возрасло. Онъ еще разъ засвидътельствоваль о своей невинности и попросиль духовника. Этой просьбы не предвидъли; о ней и не подумали: она поставила судей въ весьма затруднительное положеніе. Наконецъ они отказали; и принцъ отвічаль съ мужествомъ, которое вызвало удивленіе всего собранія, что предаетъ свою душу Богу, и что онъ готовъ идти. Его отвели за нъсколько шаговъ отъ замка. Тамъ стоялъ въ готовности взводъ егерей, чтобы разстралять его. Онъ отказался отъ платка, который предложили ему, чтобъ завязать глаза, и, обратившись къ солдатамъ, сказалъ: "Храбрые французскіе солдаты, которыхъ я всегда любилъ! Я сражался съ честью, съумбю и умереть такъ же. Только не промахнитесь". Въ эту минуту одна пуля угодила ему въ сердце, другая — въ лобъ, и онъ палъ бездыханный. — Если вышеприведенныя числа доказываютъ, что баденскій кур-

que j'ai relatées plus haut, que l'électeur de Bade n'a nullement autorisé la violation de son territoire, il ne l'est pas moins que l'intention unique de cette expédition était de venger, par la mort d'un prince du sang des rois de France, les projets formés contre la vie du premier consul. La précipitation mise dans le jugement, le choix des juges, celui du président, le général Hulin qui, après avoir contribué à la prise de la Bastille, en a trainé le commandant par les cheveux à l'Hôtel-de-Ville, où il a été massacré, et le 10 août s'est mis à la tête des poissardes, sont autant de témoignages de ce que peut le caractère bouillant du premier consul dirigé par les jacobins qui l'entourent. Tout Paris est consterné de cet évènement, et je n'ai rencontré personne qui n'en parle avec horreur, et l'on en tire les présages les plus sinistres pour la marche que les affaires de l'intérieur vont prendre, et pour les relations avec les puissances continentales. Frappé comme tous les membres du corps diplomatique de cette nouvelle violation du droit des gens, j'ai tâché de dissimuler, autant qu'il a été en moi, l'impression que j'en ai ressentie, en me bornant à dire à ceux qui m'en ont parlé, que cet évènement frapperait certainement beaucoup S. M. I., et qu'elle verrait avec bien de la peine que le premier consul se soit vu dans la dure nécessité de recourir à une mesure semblable.

Pétersbourg. Paris, 1804, 95. Подлинникъ.

фюрстъ вовсе не разръшалъ нарушенія своихъ земельныхъ правъ, то ясно, что единственною целью этого событія было-отомстить за покушенія на жизнь перваго консула смерью принца крови. Поспѣшность суда, выборъ судей, выборъ предсёдательствующаго, генерала Гюлена, который помогалъ взятію Бастиліи и тащиль ея коменданта за волосы въ Думу, гдв его умертвили, а 10-го августа стояль во главъ рыбныхъ торговокъ, — все показываетъ, на что способенъ кипучій правъ перваго консула, направляемый якобинцами, которые окружають его. Весь Парижъ пришель въ ужасъ отъ этого собитія: я не встръчалъ человъка, который не говориль бы о немъ съ отвращениемъ. И отсюда выводять самыя мрачныя предзнаменованія для хода внутреннихь дёль и для сношеній съ державами материка. Пораженный, какъ и всѣ члены дипломатическаго корпуса, этимъ новымъ нарушеніемъ международнаго права, я старался, насколько могь, скрыть мои впечатленія: я ограничивался тёмъ, что говориль беседовавшимъ со мною объ этомъ, что, конечно, это событіе сильно поразитъ е. и. в-во, и что ему будетъ очень прискорбно видеть, какъ первый консуль счель себя вынужденнымь прибъгнуть къ подобной мъръ жестокой необходимости.

№ 210. — Убри Чарторижскому.

Paris, 12/24 mars 1804.

Le gouvernement a communiqué hier matin au sénat un rapport du grand-juge qui rend compte des correspondances de m. Drake, ministre d'Angleterre à Munic, avec des agents secrets de l'Angleterre en France. M. de Talleyrand vient d'en donner également communication, par la circulaire ci-jointe, à tous les membres du corps diplomatique. Je l'ai reçue ce soir et je lui en accuserai demain la réception. La personne désignée par les lettres initiales M. D. L. est le sieur Mehé dont j'ai déjà eu l'honneur de parler à v. e. assez en détail pour qu'elle ait la clef de toute cette découverte. - Je viens d'apprendre à l'instant que le premier consul, dans un conseil de ministres tenu aujourd'hui, a cherché à justifier par un long discours toute sa conduite à l'égard du duc d'Enghien et a prétendu que c'était du consentement de l'électeur qu'il l'avait fait arrêter. Il s'est beaucoup étendu sur le tort qu'on faisait au comte de Cobenzl de supposer qu'il eût caché le duc de Berri, et a représenté ces bruits comme injurieux à la conduite de la cour de Vienne et de son ambassadeur dont il était content, et a ajouté que si un ambassadeur ou tout autre agent diplo-

парижъ, 12/24 марта 1804.

Французское правительство сообщило вчера утромъ сенату донесеніе великаго судьи о перепискѣ г. Дрэка, англійскаго министра въ Мюнхенѣ, съ англійскими тайными агентами во Франціи. Г. Талейранъ также сообщилъ о ней, въ прилагаемомъ циркулярѣ, всѣмъ членамъ дипломатическаго корпуса. Я получилъ его сегодня вечеромъ и завтра увѣдомлю его объ этомъ. Лицо, обозначенное буквами М. D. L., есть г. Мегэ, о которомъ я уже имѣлъ честь говорить в. с-ву довольно подробно, такъ что въ вашихъ рукахъ ключъ ко всему этому открытію. — Сейчасъ узналъ, что сегодня въ совѣтѣ министровъ первый консулъ старался, въ длинной рѣчи, оправдать все свое поведеніе относительно герцога Ангьенскаго и утверждалъ, что онъ былъ арестованъ съ согласія курфюрста. Онъ очень распространялся насчетъ того, какъ несправедливо предполагали, будто гр. Кобенцль скрывалъ герцога Беррійскаго, и представлялъ эти слухи обидой вѣнскому двору и его посланнику, поведеніемъ которыхъ онъ доволенъ. Онъ прибавилъ, что еслибы какой-либо посланникъ или иной дипломатическій агентъ позволилъ себѣ вмѣшиваться въ заговоры,

AGENT STREET STREET STREET WEST WAS TENDED ON BUSINESS PROPRIE